

— Мне одну порцию сяолунбао и миску пшённой каши! Только баоцзы обязательно с мясной начинкой!

— А мне порцию лепёшек с луком!

Цяо Юнь, принимая деньги у госпожи Ван, с улыбкой громко отозвалась:

— Сейчас будет!

Она сложила баоцзы и лепёшки в небольшую бамбуковую корзинку и быстро разнесла заказы по столам. Едва успев обслужить один, она тут же бросалась к другому, вертась как белка в колесе.

Когда пришло время накладывать кашу, один добродушный мужчина, видимо, не желая больше ждать, не стал дожидаться, пока Цяо Юнь принесёт еду, а сам подошёл к глиняному горшку и, как только она зачерпнула порцию, подставил свою миску. Остальные, увидев это, последовали его примеру и толпой окружили угольную печь, дожидаясь своей очереди.

Эта суета сбила Цяо Юнь с ритма. Несмотря на лютый мороз, на её лбу выступили мелкие капельки пота. К счастью, она быстро взяла себя в руки: накладывая кашу, она про себя повторяла, кто из гостей что заказывал, чтобы не допустить путаницы.

Зимой солнце встаёт поздно, а холод такой, что большинству людей крайне трудно вылезти из-под одеяла. Рабочие на пристани встают чуть свет, и их жёны, чтобы мужья не шли на тяжёлый труд голодными, поднимаются ещё раньше, чтобы приготовить завтрак. Но времени по утрам в обрез, поэтому большинство семей не утруждают себя сложными блюдами — обычно это простая похлёбка из грубого зерна, которую проглатывают на ходу, не отвлекаясь от дел. Если же удавалось позавтракать лапшой бото, это уже считалось настоящим пиром. Только в домах богачей кухни не остывали круглые сутки, и там по утрам можно было неспешно наслаждаться кашей и паровыми булочками. Бывало, что хозяйки на пару готовили сразу много баоцзы и маньтоу, а потом выставляли их на мороз, где те замерзали так, что ими хоть гвозди забивай, — потом оставалось лишь разогреть несколько штук. Но вкус у такой еды был совсем не тот, куда уж там до свежей похлёбки! Большинство людей утром перебивались чем попало.

Однако кому не хочется начать день с чего-то вкусного? Особенно рабочим, которые весь день таскают грузы на пристани: одной жидкой кашей сыт не будешь, и к полудню желудок уже предательски сводит от голода. Цяо Юнь отлично это понимала — она долго расспрашивала Сянь Юня, прежде чем прийти к таким выводам. И теперь её закусочная с недорогой, вкусной и сытной едой пришлась как нельзя кстати!

Мужчина из соседней лавки не выдержал и потянул жену за рукав:

— Сходи-ка туда, возьми пару баоцзы и миску пшённой каши!

Хозяйка лавки нахмурилась и упёрла руки в бока:

— Ты же утром говорил, что аппетита нет?

— Ай, ну чего ты! Сходи, будь добра! Как почуял этот запах, сразу есть захотелось!

Женщина закатила глаза, взяла деньги и подошла к Цяо Юнь. Постояв немного в нерешительности, она обратилась к девочке:

— Дай две булочки с овощами. У вас можно взять с собой? Я потом миску верну.

— Конечно, можно! Мы же соседи. По правде говоря, я ведь только вчера переехала, мне бы самой к вам зайти познакомиться, — приветливо ответила Цяо Юнь, ловко укладывая баоцзы в корзинку и наливая кашу.

Когда женщина забирала миску, Цяо Юнь добавила:

— Осторожнее, сестрица, не обожгитесь. Деньги не к спеху, отдадите, когда миску принесёте.

Женщине было приятно, что одиннадцати-двенадцатилетняя девчушка назвала её сестрицей. Она внимательнее присмотрелась к ребёнку, а когда пошла обратно, невольно подумала: такая кроха — и уже сама ведёт хозяйство, ох, нелегко ей приходится!

Видимо, продуктов сегодня было маловато: открыв лавку в час кролика (5–7 утра), Цяо Юнь к концу часа дракона (8–9 утра) почти всё распродала — в корзинах почти не осталось баоцзы, а два горшка с кашей опустели. Извиняясь перед опоздавшими гостями, она потушила огонь и начала закрываться.

Проводив последнего посетителя, Цяо Юнь заперла дверь, разминая ноющую поясницу, и вернулась в главную комнату. Сняв провонявший дымом фартук, она вытряхнула всю выручку на кровать и с облегчением рухнула на мягкое пуховое одеяло, раскинув руки и ноги.

Хоть она и вымоталась до предела, на душе было светло и радостно. Честно говоря, перед открытием она долго сомневалась и даже была готова к тому, что к ней никто не придёт. Успех в первый же день стал для неё неожиданным подарком!

Не теряя запала, она приподнялась и села считать деньги. Чистая прибыль за день составила двести шесть монет — как раз хватило, чтобы окупить вчерашние затраты на ремонт и инвентарь. Хорошо, что всё оборудование она перенесла из игры, а продавала полуфабрикаты, которые тоже доставались ей почти даром, — иначе с такой скоростью заработка она бы ещё не скоро выкупила помещение, да и за аренду пришлось бы доплачивать из своего кармана.

Цяо Юнь спрятала деньги в кошелек и задумалась, куда его пристроить. Лучшего места, чем игровой рюкзак, было не найти. Как только кошелек исчез в пустоте, безымянный палец левой руки слегка обжёг. В голове прозвучал голос Лу Чжэцю:

— Хозяйка, отдайте мне грязную одежду, я почищу.

Цяо Юнь схватила фартук, свернула его в комок и отправила в игру. В рюкзаке предмет автоматически классифицировался как верхняя одежда и получил название Грязный фартук.

Постель была такой уютной, что Цяо Юнь хотела ещё немного поваляться, прежде чем готовить завтрак, но стоило заговорить Лу Чжэцю, как в воображении тут же возникли аппетитные картинки. Обычные баоцзы и соевое молоко были сытными, но не хватало калорий. В игре, на Западном рынке Чанъаня, торговали купцы из Дациня, привозившие рецепты из самого Константинополя — с другого конца Великого шёлкового пути. Они основали торговую гильдию, и по мере роста уровня репутации в игре открывалось всё больше рецептов. Цяо Юнь, будучи заядлым игроком, была первой, кто завёл в своей усадьбе печь для хлеба и сыроварню.

— Хочу западный завтрак, приготовь всё как полагается!

— Слушаюсь, хозяйка.

С ответом Лу Чжэцю фартук исчез из рюкзака — неужели и правда пошёл стирать? Цяо Юнь не могла сдержать улыбки. Как же здорово, что не нужно возиться со стиркой!

Вскоре Лу Чжэцю доставил в рюкзак семь-восемь порций еды. Цяо Юнь села за стол, и по её воле он тут же покрылся золотистой скатертью с кружевами, а на нём появились серебряные тарелки. Поджаренные бейглы с маслом, ломтики сыра и копчёный лосось, салями, яичница-болтунья, хрустящие хлопья с греческим йогуртом и большой кувшин свежавыжатого апельсинового сока. Настоящее пиршество.

Цяо Юнь взяла серебряную вилку, сделала сэндвич из лосося, яичницы и колбасы и с наслаждением откусила кусок. Она чуть не расплакалась от счастья. Цяо Юнь всегда была привередлива в еде и терпеть не могла однообразие. В прошлой жизни её завтраки ни разу не повторялись за неделю: субботний утренний чай, воскресный английский завтрак, а с понедельника по пятницу — всевозможные лакомства со всех уголков страны. В древности с логистикой было туго, и она боялась, что после перемещения в этот мир ей придётся долго терпеть лишения. Как же хорошо, что игра оказалась таким полезным подспорьем! Спасибо системе, спасибо небесам за этот шанс!

Вот они — плюсы одинокой жизни! Если бы она жила у деда, то сейчас сидела бы с целой оравой родственников за одним столом и хлебала похлёбку. Цяо Юнь, уплетая йогурт, была переполнена благодарностью к судьбе.

После сытного завтрака усталость как рукой сняло. Цяо Юнь переоделась и решила выйти в город. Она держала закусочную, и было бы странно, если бы хозяйка никогда не выходила за покупками. Раз в пару дней нужно было показаться на рынке, чтобы пустить пыль в глаза, заодно и потренироваться в кулинарии на будущее.

На улице поднялся ветер, и Цяо Юнь достала из игры баночку крема, в составе которого было

больше сотни целебных трав — отличное средство от обморожений и трещин, мягкое и безвредное. Она густо намазала лицо, словно штукатуркой, и только тогда решилась выйти.

Деньги от сдачи украшений в ломбард ещё оставались, так что сегодняшнюю выручку она решила не тратить. Сегодня был последний перед Новым годом базарный день, народу было столько, что яблоку негде упасть. Цяо Юнь наняла ослиную повозку. Она купила два мешка пшеничной муки, по мешку риса и пшена, у мясника взяла десять фунтов свиного окорока и пять фунтов грудинки, а потом докупила пучок зелёного лука и несколько кочанов капусты. Повозка была забита до отказа.

Возница с любопытством поглядывал на неё: девчонка совсем юная, а ведёт себя как взрослая, да и закупились основательно! Если это заготовки к празднику, то где же взрослые? А если она закупщица из богатого дома, то маловато будет, да и мала она ещё для такой работы. Возница медленно пробирался сквозь толпу и наконец не выдержал:

— Девочка, ты откуда столько добра набрала?

Цяо Юнь весело ответила:

— У меня своя закусочная, завтраками торгую! Будете проезжать мимо поутру — заглядывайте!

Вот оно что! Возница кивнул, перекинулся ещё парой слов и сосредоточился на дороге.

Цяо Юнь сидела на краю повозки, болтала ногами и, глядя на шумный рынок, тихонько напевала:

— Ветер качает лёгкую лодку, рябь по воде разгоняя... Унесёт меня вдаль, где горы и воды, где зелень травы и плющ на стене...

Внезапно её взгляд упал на двух знакомых людей. Цяо Юнь осеклась, закашлялась и поспешно опустила голову. Госпожа Люй и Цяо Цзаохуа!

Она лихорадочно шептала про себя: «Они меня не видят, не видят, не видят...» На самом деле, она сильно изменилась: в семье Цяо она была измождённой, грязной и в лохмотьях. Сейчас же она была чистенькой, со свежим лицом благодаря игровым средствам ухода, и одета куда лучше, так что госпоже Люй было бы нелегко её узнать. Но бережёного бог бережёт, а удача — дама переменчивая.

— Матушка, смотри! — Цяо Цзаохуа дёрнула госпожу Люй за рукав и указала на проезжающую мимо повозку. — Это не та девчонка, Цяо Юнь?